

**СТАНИСЛАВ
АРИСТОВ**

**ГОРЯЧИЙ
ПЕПЕЛ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А81

Иллюстрации *М.М. Аксельрода*

- Аристов, Станислав Васильевич.**
А81   Горячий пепел / Станислав Аристов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с. — (Громкий шепот войны. Исто-
рии тех, кто прошел через Ад).

ISBN 978-5-04-223153-7

Штурмбаннфюрер СС Ганс Шварц — истинный солдат рейха. Поднявшись с самого низа служебной лестницы до почетной должности инспектора концлагерей, он не понаслышке знает о чудовищных приемах и изощренных методах, которые используют в своей работе коменданты «фабрик смерти» и их подручные. Но, посещая эти страшные объекты снова и снова, Ганс все сильнее чувствует, как внутри него зреет сопротивление кровавой системе. Треблинка, Собибор, Аушвиц, Равенсбрюк — все эти «конвейеры» по улучшению человеческой расы вызывают у Шварца непреодолимое желание встать на сторону заключенных и свергнуть ненавистный гитлеровский режим. Возможно, причиной тому не только зверства фашистских палачей, но и далекое прошлое Ганса, родившегося в другой стране и под другим именем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аристов С.В., 2025
ISBN 978-5-04-223153-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

О романе «Горячий пепел» Станислава Аристов

Информационная среда отнимает память у человечества. А поскольку память укорачивается, извратить сегодня можно все что угодно. Мы это видим по тому, как уничтожаются на Западе памятники Великой Отечественной войны. Война с памятью идет с двух сторон: с технологической, изнутри, и снаружи — с идеологической. Станислав Аристов — не только историк-консультант моей картины «Рай», но и мой единомышленник. И его книга сегодня — это тот форпост, который борется за сохранение памяти.

Кроме того, эта книга о возмездии. Зло творится каждый день, в любую эпоху, и главное, люди, которые его творят, думают, что они делают добро. И все это зло было всегда прикрыто высокими идеями о демократии, свободе человека. Поэтому и фраза *«Помилуй, Господи, они не знают, что творят»* вечная. Трагическая история человека, пережившего ужасающее насилие над душой, не оставит вас равнодушными. Книга, исследующая природу зла, заставит вас еще долго думать о прочитанном.

Андрей Кончаловский

ПРОЛОГ

Я хочу рассказать вам историю, которая, как старая рана, до сих пор ноет где-то глубоко внутри. Это история о том, как я, человек, рожденный в стране, где земля пахнет хлебом и порохом, стал частью машины, которая перемалывала жизни, как жернова. Я родился в семье русских эмигрантов. Самое странное, самое невероятное, что я оказался среди НИХ, в СС. Да, в самой сердцевине нацистского логова, в организации, которая сеяла смерть и страх. Я ненавидел ее всей душой, но чувствовал, что так я могу помочь своей родине выстоять в самой чудовищной войне из всех, что знало человечество.

Сейчас я сижу на берегу океана. Вода блестит под солнцем, как будто ничего страшного никогда не происходило. На песке видны следы — человек прошел здесь, направляясь к воде. Я смотрю на этого человека, но не могу сказать вам, кто он. Пока не могу. Все будет, но позже. Все будет, когда настанет время.

Война... Она была миром, где все перевернулось с ног на голову. Я работал в организации, которая проверяла и контролировала нацистские концлагеря. Сначала она называлась Инспекция концентрационных лагерей, по-

том — Главное административно-хозяйственное управление. Я видел все. Практически каждый лагерь, каждый филиал, каждую яму, где закапывали людей, как скотину. Я был там, где земля кричала от боли, где воздух был пропитан смертью.

Но это не все. Я стал одним из тех, кто создавал лагерное подполье — организацию советских военнопленных, которая могла бы стать грозной силой, если бы не предатель. Эти люди — настоящие герои, достойны того, чтобы о них помнили. И я расскажу. Расскажу о них, об их борьбе, об их смерти. Но сначала — о том, как я оказался в СС.

Часть I

МЕРТВЫЕ ДУШИ

ГЛАВА I

1

1927 год. Берлин. Узкие улочки, пахнувшие угольной гарью и кислой капустой. Каменные дома с ободранными фасадами, вывеска сапожника, детский смех за углом. Дворы, окруженные темными переулками, сырость на стенах, голоса соседей, сливающиеся в одно глухое бормотание. Дождь стекает по оконным стеклам, оставляя мутные разводы, а за окном медленно тянется чужая жизнь, где каждый человек спешит куда-то, поднимая воротник пальто, не глядя по сторонам.

В маленьком доме жил мальчик, которого звали Ганс Шварц, и никому до него не было дела. Этим мальчиком был я.

Раньше меня звали Алексей Вайс, я рос в семье русских эмигрантов, бежавших из России после революции. Мой отец, офицер царской армии, погиб в хаосе Гражданской войны, а мать, сжимая в руках единственный чемодан, увезла меня в столицу Германии, надеясь найти там спасение. Однако Берлин не стал для меня домом. Мать умерла от тифа, когда мне было четыре года, и я остался один на улицах чужого города. Сначала скитался, как

беспризорник, питаюсь обедками и ночуя в подворотнях. Потом меня усыновила немецкая семья. Так я стал Гансом Шварцем.

Все вокруг — язык, привычки, лица — было чужим, но я быстро учился. В школе стал лучшим, потому что не мог позволить себе иного. Немцы не любили слабых. Я знал это с первых дней, когда одноклассники бросали насмешливые взгляды, потому что я не мог с ходу ответить, кто правил Пруссией в семнадцатом веке. Я понимал, что мир делится на тех, кто, ничего не зная, отвечает уверенно, и тех, кто молчит, боясь ошибиться. Я выбрал первое. Я говорил, как будто знал все, и вскоре действительно выучил очень многое.

Моя комната была низкой, с мокрыми стенами. В ней пахло старым бельем и картофельной похлебкой. Отчим, с тонкими жилками на висках, листал газеты, рассказывал о человеке, который поднимет Германию с колен. «Этот Гитлер вернет нам силу, мальчик». Я кивал, слушал, смотрел в окно на мокрый асфальт, по которому шагали люди, поднимая воротники плащей. Я учился смотреть и запоминать, понимать то, что не было очевидно. Мой ум, как губка, впитывал все — разговоры соседей, речи политиков, гул толпы на площадях.

Иногда, лежа в своей узкой кровати, я вспоминал Россию. Мать, которая пела мне колыбельные, отца, чьи руки пахли кожей и порохом. Я помнил их лица, но они постепенно размывались, как изображения на старых фотографиях, выцветших от времени. Берлин стал моей новой реальностью, а Россия — сном, который я боялся забыть, но который уже не мог вернуть.

Однажды вечером, когда дождь стучал по крыше, а в комнате было холодно, я услышал, как отчим говорил моей приемной матери:

— Он странный, этот мальчик. Слишком тихий. Слишком умный.

— Он просто старается понравиться нам, — ответила мать, но в ее голосе слышалась неуверенность.

Тогда я закрыл глаза и притворился спящим. Я знал, что они не доверяют мне. Они знали, что я чужой.

На следующий день в школе учитель истории спросил меня:

— Ганс, скажи, что ты думаешь о Версальском договоре?

Я встал и начал говорить. Мой голос был уверенным, а слова — точными. Я говорил о несправедливости, об унижении Германии, о том, что страна должна вернуть себе свое место в мире. Учитель кивал, одноклассники смотрели на меня с уважением. Но внутри я чувствовал пустоту. Я говорил не то, что думал. Я говорил то, чего от меня ожидали.

После уроков я шел домой, думая о своей жизни. Она казалась просто маской, фантомом. Я был Гансом Шварцем для немцев, Алексеем Вайсом — для себя. Я не знал точно, кто я на самом деле. И возможно, это и было самым страшным.

Дома я сел за стол и открыл книгу. На улице снова пошел дождь, а в комнате было тихо, только часы тикали, отсчитывая время. Я смотрел на страницы, но слова сливались в одно серое пятно. Я мечтал о том, чтобы в мире нашлись люди, которые знают, кто я. И однажды они могут прийти за мной. Мне так этого хотелось.

Пока же я был здесь, в этой маленькой комнате, с мокрыми стенами и затхлым запахом. Я был Гансом Шварцем, мальчиком, который выжил. И я знал, что должен продолжать играть свою роль, даже если это значит полностью забыть, кто я на самом деле.

2

Впервые я оказался у Шварцев осенью. Она в Берлине наступала осторожно, как опытный сапожник, примеряющий новую кожу на старый ботинок. Воздух был тяжелым, влажным, с привкусом угольной гари и подгнивших осенних листьев. В переулках лежали лужи, в которых дрожали отражения пыльных фонарей. Дома были угрюмыми, с обвалившейся штукатуркой и осевшими крышами. Будто вся Германия после войны была жестоко побита и голодна. Улицы завалены серым пеплом, промокшим мусором и заселены беспризорниками, которые, как крысы, юрко носились между домами в поисках чего-нибудь съестного.

Тогда я — еще Лешка — шел по узкой улице, зажав в кулаке сухой кусок хлеба; он достался мне утром, но есть его не хотелось, я решил его сохранить. В желудке давило от голода, а мысли занимало другое — где найти место, чтобы переночевать. Берлин меня не замечал, город жил своей жизнью: машины с важными господами проезжали мимо, на углу пекарь рекламировал свежий хлеб, а за газетным киоском два ветерана сидели на деревянных ящиках, грея в руках дешевую водку. Этот город не был для таких как я — русских, голодных, ненужных.

Я зашел в старое здание, где ночевали эмигранты — люди без родины, без надежды. Воняло мочой, гнилым

деревом и тухлой капустой, но зато было тепло. Там-то меня и увидела фрау Шварц.

Она пришла с подругой — высокой дамой в мехах, которая презрительно шурилась, рассматривая несчастных, как больных животных.

— Бедные дети, — говорила дама, щелкая веером. — Их так много. Что с ними будет?

— Ничего, — ответила Эльза Шварц, маленькая, с тонкими пальцами и печальными глазами. — Они исчезнут.

Тогда она заметила меня — мальчишку, который стоял в стороне, не подходил за подачками, а просто смотрел на нее.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Я машинально понял, что должен ответить по-немецки.

— Ганс, — сказал я едва слышно.

Фрау Шварц кивнула.

— Теперь ты Шварц, — произнесла она. — Ты ведь хочешь жить?

Я быстро кивнул в ответ. Так я стал немцем.

3

Дом Шварцев стоял на окраине рабочего квартала — там, где между тесными домами не было неба, а в подворотнях пахло углем и сыростью. Квартал был бедный: дома лепились друг к другу, спасаясь от ветра, гулявшего по булыжным мостовым, заставляя людей кутаться в длинные пальто и спешить быстрее согреться.

Двери дома были облуплены, под окнами валялись деревянные ящики, а над входом висела старая вывеска са-

пожной мастерской — еще от прежнего хозяина. Внутри пахло кофе и капустой, мебель была простой — деревянный стол, два стула, старый комод с покрытыми пылью фотографиями.

Отчим, Вильгельм Шварц, работал бухгалтером в маленькой конторе — скуповатый человек с узким лицом и всегда сжатым ртом. В его мире все было на своих местах: числа складывались точно, расходы совпадали с доходами, а люди делились на нужных и лишних.

— В доме уважают дисциплину, — сказал он в первый же день. — Здесь не место лени и слезам.

— Да, герр Шварц, — тихо ответил я.

— Ты теперь наш сын, — добавила Эльза, положив руку мне на плечо.

В первую ночь в новом доме я долго лежал глядя в потолок. В комнате было темно, в углу тикали часы, отмеряя мою новую жизнь.

Следующие дни слились в одно серое пятно. Утро начиналось с запаха жареного хлеба и голоса Эльзы, которая будила меня словами:

— Ганс, вставай, завтрак на столе.

Я вставал, одевался в свою новую, но уже поношенную одежду и шел на кухню. Вильгельм сидел за столом, листая газету. Его глаза скользили по строчкам, но я знал, что он следит за мной. Он всегда следил.

— Сегодня пойдешь в школу, — сказал он однажды утром, не отрываясь от газеты. — Ты должен учиться. Здесь не место лентяям.

— Да, герр Шварц, — ответил я, глядя на свои руки.

Школа оказалась таким же серым и холодным местом, как и дом. Дети смотрели на меня с подозрением, учите-

ля — с безразличием. Я старался быть незаметным, но это не всегда получалось.

— Ты откуда? — спросил одноклассник.

— Из Берлина, — ответил я, не глядя на него.

— А почему ты говоришь так странно?

— Я говорю как все, — сказал я, но в его глазах увидел сомнение.

Дома я старался быть полезным. Помогал Эльзе по хозяйству, чистил картошку, подметал пол. Вильгельм редко хвалил меня, но и не ругал. Он просто наблюдал, как будто ждал, когда я сделаю ошибку.

Однажды вечером, когда я сидел за столом и готовил уроки, он подошел ко мне и положил руку на мое плечо.

— Ты должен быть сильным, — сказал он. — Мир не прощает слабости.

Я кивнул, но в ответ не сказал ничего.

4

Берлин 1920-х годов жил, как человек, который перенес тяжелую болезнь, но вместо отдыха бросился в пляс, смеясь в лицо судьбе. Улицы были забиты машинами, словно жирными жуками, копошащимися в паутине бульжных мостовых. Гремели трамваи, набитые людьми, цеплявшимися за поручни с таким отчаянием, будто они держались за остатки прежнего мира.

В центре города ночь никогда не наступала по-настоящему — неоновые вывески светились ослепительно, кабаре зазывали внутрь, где играл джаз, где дамы в тонких платьях с голыми плечами курили длинные сигареты, запивая свои будни дешевым шампанским. Мужчины но-

силы узкие галстуки, их блестящие волосы были зачесаны назад, улыбки прилипали к лицам, как маски. Они хотели казаться счастливыми, даже если в кармане звенели последние монеты.

Бургеры нового времени уже не походили на тех добродушных мясников и пекарей, которые раньше управляли городом. Теперь они ходили в дорогих костюмах, с голодным блеском в глазах — бизнесмены, дельцы, игроки на бирже, покупающие и продающие все, что можно обратить в деньги, даже воздух. Они больше не верили в старый порядок, хотя не верили и в завтрашний день. Каждый старался урвать свой кусок, пока Берлин еще пульсировал жизнью.

В роскошных домах с мраморными лестницами по ночам устраивались вечеринки. Музыка гремела так, что пол трясся, джазовые оркестры дули в трубы, саксофоны визжали, а люди метались между столиками, смеясь и пьяно обнимаясь. Там можно было встретить кого угодно — артиста, спекулянта, поэта, афериста, офицера в отставке, опустившегося до карточных шулеров. Там жили так, будто «завтра» не существовало.

Кинотеатры Берлина были переполнены — народ шел смотреть новые фильмы, блестящие хроники чужих судеб. С экрана улыбались актрисы с подведенными глазами, героини бросали на них страстные взгляды — все было больше, ярче, чем сама жизнь. Люди верили в кино сильнее, чем в реальность, потому что реальность не обещала ничего, кроме серого утра и пустого кошелька.

И все это — смех, музыка, богатство, бешеные танцы до рассвета, — казалось, держалось на волоске.

В этом мире, полном неопределенности, политики кричали о переменах с трибун, каждый уверял, что знает путь к лучшему будущему. И среди них появился человек с тонкими усиками и горячечным блеском в глазах — Адольф Гитлер. Он говорил о грядущем величии Германии, о мести предателям.

В 1920 году в Мюнхене вокруг него собралась группа людей, называвших себя Национал-социалистической немецкой рабочей партией. Их лозунги звучали громко, но казались такими же безумными, как сотни других партийных речювок. В пивных залах, где шумели пьяные офицеры и обанкротившиеся предприниматели, разносились слова о восстановлении «истинного немецкого порядка». Гитлер, размахивая руками, говорил, что Германия упала на колени не из-за слабости армии, а из-за «врагов, ударивших ее в спину». Он искал виноватых повсюду, он делал это громко, чтобы его слышали и во дворцах, и в трущобах.

Но когда в 1923 году Гитлер решил взять власть в Баварии силой, совершить так называемый Пивной путч, на него посмотрели с презрением. Властям понадобилось всего несколько часов, чтобы подавить это выступление, а сам Гитлер оказался в тюрьме, где принялся писать свой манифест. Берлин услышал об этом происшествии, хмыкнул и забыл о нем. Очередной фанатик. Очередной неудачник.

Германская пресса 1920-х годов писала о Гитлере с иронией. Газеты публиковали карикатуры, где он изображался нелепым демагогом с гротескно вытянутым лицом и смешными жестами. На рисунках его изображали кричащим, но никто не воспринимал его крики всерьез.